

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ШПЕТА

Статья посвящена пропедевтической роли феноменологии в гуманитарном познании. Показана польза феноменологического подхода для любого гуманитарного исследования на основе своеобразного толкования феноменологии Шпетом.

Зачастую историко-философская аналитика в области феноменологии подтверждает, что последняя лишь в качестве термина присутствовала *до* и присутствует *поныне*, но в качестве завершённой концепции предстает лишь у Гуссерля. Известно также, что, являясь основоположником «чистой науки», Гуссерль так и не обнаружил продолжателей своего «чистого» замысла.

Причина невозможности выстраивания феноменологической традиции кроется вовсе не в личности мыслителя. Причина в другом: в самой сути феноменологического замысла Гуссерля. В чем же ее особенность?

Феноменология есть способ «чистой» мысли сделаться своим предметом и обнаружить в этом ясность бытия. Феноменологический замысел Гуссерля состоит в том, чтобы обрести эту способность мысли. Но реализовавшись, феноменологический замысел оказывается в тупике. И вот почему.

Описывая необходимую для реализации «чистого знания» процедуру трансцендентальной редукции, Гуссерль выделяет «заключением в скобки», «редукцией», «эпохэ» такой бытийный пласт, как региональные онтологии. Тем самым он, в некотором смысле, отгораживается от возможности более плодотворно заняться частными и второстепенными вопросами региональных онтологий или (на его взгляд) недостойными вопросами обыденного познания, эстетического опыта и прочего.

Поэтому очевидно, что его феноменологический проект скорее эпистемологичен, нежели онтологичен, т.к. вопрос ставится о конституировании сознанием бытия, а не о конкретности бытийствования.

Гуссерлю было необходимо отказаться и заключить в скобки вышеозначенный пласт вопросов с тем, чтобы сконцентрироваться на центральном в феноменологии: «чистом сознании». Но в силу того что на роль предмета феноменологии претендует тотальное «Всё», оказывается необходимым вернуться в конце концов к тому, что прежде редуцировали, что актуализировали, поименовывали, но не проблематизировали. Этим «возвращением» и ознаменовал, на мой взгляд, свое появление на философской сцене другой мыслитель – Шпет.

Шпет, обращаясь к феноменологической проблематике, постепенно, но очевидно совершает онтологический поворот (или поворот к региональным онтологиям). Об этом косвенно свидетельствует его (якобы постфеноменологический) интерес ко многим гуманитарным областям.

Феноменология Гуссерля в результате редукции по отношению к региональным онтологиям оказалась ограниченной, т.е. в тупике. И в то же время Гуссерль описал цели и методы таким образом, что обрек феноменологию на постоянно расширяющееся поле объектов собственного исследования. Парадоксально, но этим расширением оправдывается «раскрытие скобок»,

т.е. интерес самой феноменологии к региональным онтологиям (в том числе к лингвистике и к истории).

Это позволяет говорить о пропедевтическом значении феноменологии по отношению к гуманитарному познанию. На мой взгляд, феноменология может быть *пред-положена* всякому *ratio* как первая необходимость для его осуществления. Феноменологический замысел может быть *пред-положен* всякому направлению мысли вообще (будь то гуманитарной или технической). И это вовсе не будет расширением границ феноменологии или тотальным феноменологизированием.

Другими словами, феноменология обнаруживает стремление *ratio* к ясности. Вокруг столько, казалось бы, очевидных вещей, что путь к ясности должен быть коротким, а ответ мнит быть на поверхности. Но взгляд на повседневный мир, не снабженный феноменологическим «усмотрением», грозит раздавить его носителя громадой псевдоясностей. Феноменология может сообщить свой метод исследователю в любой области, тем не менее, это обстоятельство не сделает из исследователя феноменолога. Чтобы воспользоваться феноменологическим методом, не обязательно быть и становиться феноменологом, нужно быть просто рациональным исследователем, коим и был Шпет. Он осуществил феноменологическое онтологизирование, которое заключалось в построении феноменологической дескрипции по отношению к гуманитарному знанию и его предметам. «Раскрытие скобок» состоялось в творчестве Шпета, и состоялось прежде всего по отношению к лингвистике и истории.

Феноменология в качестве пропедевтики открывает исследователю путь, следуя которому, он может выбрать всякий предмет в качестве объекта исследования. Поэтому можно смело говорить как о феноменологизирующем историке, так и о феноменологическом подходе к лингвистике в работах Шпета.

Гуссерль определил бы историю и лингвистику как частные науки, предметы, методы и представления которых мы вынужденно редуцируем на пути к «чистому сознанию». Но исторический факт тоже есть феномен среди прочих феноменов, являясь конструктом сознания. Как текст, так и единственный символ могут быть объектом феноменологии.

Постоянно углубляющееся понимание – так можно охарактеризовать деятельную, творческую установку Шпета. Для такого живого понимания, считает Г.Г. Шпет, нет и не может быть остановки, ибо единожды получив феноменологический импульс от феноменологии, оно будет стремиться делать своим предметом все новые и новые понятия, в которых содержатся «*implicite* – все связи и отношения того, что есть» [1. С. 304].

Для Гуссерля (по крайней мере, до позднего этапа его творчества) естественная установка сознания, как и данные конкретных наук, сами по себе не обнаруживают никакой ценности. Феноменология призвана: первое –

редуцировать, второе – обосновать через себя, как фундамент. Для начала допустить два эти момента в качестве необходимых можно, но постепенно феноменология Гуссерля остается наедине с «чистым сознанием», как будто в вакууме. «Ее (феноменологии) предмет (“чистое сознание”) настолько чист, независим, первичен и бытийно самостоятелен, что говорить о других предметах, существующих не для чистого сознания, но наряду с ним, просто не имеет смысла» [2. С. 7].

Получается, что содержание региональных онтологий само по себе не представляет феноменологической ценности. И только оказываясь предметом «чистого сознания», региональные онтологии обретают эту ценность. Другими словами, феноменолога Гуссерля не интересует, к примеру, история как цепь событий или история как наука. Шпета же как феноменолога, напротив, занимает идея, энтелехия истории, для него «история и есть в конце концов та действительность, которая нас окружает» [3. С. 61]. Пример с историей частный, но он являет нам основной принцип гуманитарного познания вообще.

Можно позволить для сравнения такой образ: феноменолог, как увлеченный археолог, копает вглубь, к основам, оставляя по сторонам памятники своей уникальности в виде всякого рода спецификаций. Но когда копать вглубь становится бессмысленным, феноменолог (с уже обретенным, «накопанным» багажом знаний и смыслов) начинает озираться вокруг и обращаться ко всему тому, что прежде было им отброшено («заключено в скобки») как сопутствующая порода, хлам, как то, что доказывало его особенность, уникальность. Так на спецификации, на содержание региональных онтологий падает «просветленный» взгляд феноменолога. И вот здесь начинается поистине интересная работа. Последнее выпало в том числе и на долю Шпета. Гуссерль же был «археологом». И его роль неопределима. Но его феноменология, всецело сосредоточившись на методологии, на описании способов и принципов действия «чистого знания», освободилась, таким образом, от «живого», предметного наполнения. Парадоксальность данной ситуации заключалась в том, что феноменология продолжала претендовать на роль описательной науки, в возможности которой входило описать и уразуметь тотальное «Всё», всю действительность. Действительное же, «живое», оказалось в феноменологии проблемным во многом из-за пренебрежения раннего Гуссерля к естественной установке сознания и к содержанию региональных онтологий. Получается, «что при выключении действительного при феноменологической установке для нас не встретилось никаких препятствий вместе с “природой”, “человеком” и проч. выключить и “действитель-

ное”, эмпирическое, животное и человеческое сознание» [4. С. 65]. Поэтому и оказывается, на мой взгляд, необходимым «раскрытие скобок», в результате чего становится возможным сделать предметом ту «проиндексированную» область действительного, которую прежде в эти скобки заключили. Возможность осуществить «раскрытие скобок» в рамках самой же феноменологии обусловливается, на мой взгляд, такой способностью «чистого сознания», как интенциональность. Несмотря на свою сущность (эйдетическую и идеальную), «чистое сознание» в феноменологической установке все так же остается «направленным на...», в том числе – на естественное, на человеческое, прежде вычеркнутое.

Противоречил ли Шпет во «Введении в этническую психологию» своими психологическими опытами основам феноменологии? Здесь Шпет наполняет общую философскую категорию «коэффициент сознания» конкретным содержанием благодаря феноменологической методологии (такой, какой её понимал и применял Шпет), а также такими понятиями этнической психологии, как «духовная коллективность», «тип народа» и т.п. «Введение в этническую психологию» – это попытка привязать отвлеченную философскую концепцию к конкретным, практически ориентированным взглядам. Это ещё один способ выйти на спецификацию. «Нужно уметь читать «выражение» культуры и социальной жизни так, чтобы и смысл их понять, и овевающие его субъективные настроения симпатически уловить, прочувствовать, сопережить. Труд и творчество субъектов в продуктах труда и творчества запечатлены и выражены объективно, но в этом же объективном отражено и субъективное. Реально – единый процесс, научные объекты разные» [5. С. 11].

Своеобразный синтез идей феноменологии, герменевтики, историцизма Гегеля, марксизма выливается в создание такой философской методологии, которая позволяет Шпету в процессе анализа логики истории, а также этнической психологии, языкознания и эстетики подойти к созданию системы смысловой онтологии. И здесь феноменологический метод приобретает наивысшую степень прикладной универсальности.

Цени феноменологию Гуссерля как специфический подход, предоставивший такие константы, как «чистое сознание», «чистое Я», «интенциональность», «конституирование» и прочее, невозможно не видеть тупика, в который она вошла благодаря ограниченной («скобками», редукцией) онтологии. И только опять-таки феноменологический взор-усмотрение, направленный на «гетто» смыслов, тем, проблем, предметов решает эту тупиковую ситуацию. И разрешившись, служит на благо гуманитариям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. 376 с.
2. Борисов Е.В. Эволюция трансцендентально-феноменологических оснований онтологии в работах Э. Гуссерля и экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера: Дис. ... канд. философ. наук. М., 1997.
3. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы: В 2 ч. / Под ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 1168 с.
4. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Томск: Водолей, 1996. 192 с.
5. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. Сочинения. Из истории отечественной философской мысли. М.: Правда, 1989. 601 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 13 ноября 2006 г., принята к печати 20 ноября 2006 г.